

На следующее утро, еще до рассвета, Чэнь Гуйчжи велела Су Вэньмину отвезти в уездный город их младшей дочери пять килограммов риса, двадцать килограммов кукурузной муки, двадцать килограммов батата, крупного пятифунтового карпа и десятифунтовый арбуз.

Су Вэньмин опешил. Откуда в доме взялось столько добра? Он украдкой покосился на мать. Заметив, что Чэнь Гуйчжи молчит, он не посмел расспрашивать дальше и послушно взвалил на спину огромную корзину.

Добравшись до дома сестры, он постучал в дверь. Изнутри раздался голос женщины лет сорока-пятидесяти:

— Кто там?

— Тетушка, это я, Вэньмин, старший брат Мэйли, — поспешно отозвался он.

Мать Чжан отворила дверь и заулыбалась:

— Ой, так это старший деверь! Проходи, проходи, садись.

Су Вэньмин вошел во двор и, опуская корзину на землю, спросил:

— Тетушка, Мэйли и зять дома?

Увидев, что корзина доверху набита провизией, мать Чжан просияла:

— Они только что на работу ушли. Я сейчас же схожу за Мэйли.

— Нет-нет, не стоит беспокоиться, — замахал руками Су Вэньмин. — Это отец велел передать вам продукты.

Мать Чжан, не сводя глаз с гостинцев, засуетилась:

— Огромное спасибо свату, а тебе, деверь, спасибо вдвойне! Присядь, отдохни. Выпей воды с сахаром, поди, с самого утра в дороге, небось голодный? Я сейчас же чего-нибудь приготовлю.

— Не нужно, тетушка, — отказался Су Вэньмин, допив воду. — Дома ждут, надо возвращаться. Не буду вас утруждать.

После короткого обмена вежливостями он отправился в обратный путь.

Вернувшись, он застал своих детей — обычно шумных и непоседливых сорванцов — чинно сидящими за столом. Они выглядели такими послушными, что он даже протер глаза, не веря увиденному.

Чэнь Гуйчжи вышла из кухни с миской тушеной свинины. Поставив её на стол, она искоса глянула на застывшего в дверях сына:

— Чего встал как истукан? Закрывай дверь, а то весь запах наружу уйдет.

Су Вэньмин поспешил выполнить приказ. Увидев на столе гору деликатесов, он сразу понял, почему дети ведут себя так тихо. Там были тушеная рыба, тушеная свинина, мясо по-сычуаньски, капуста со шкварками, битые огурцы и — роскошь небывалая — большая миска белого риса.

У всех в комнате потекли слюнки. Даже в праздники семья Су не видела такого изобилия. Чэнь Гуйчжи окинула родных сложным взглядом, про себя поблагодарив любимого внука. Видя, как у всех горят глаза, она не стала тянуть:

— Начинаем!

Палочки замелькали с невероятной скоростью. Мясо таяло во рту, сочное и нежное, словно фейерверк вкуса. Заедая его белым рисом, все жмурились от удовольствия. Через мгновение тарелки опустели — даже подливку вычистили дочиста. Су Чэнь, наблюдая за этой трапезой, был поражен: ели так, словно шли в атаку.

Наевшись, домашние сидели, поглаживая животы и довольно облизываясь. Чэнь Гуйчжи строго посмотрела на них:

— Предупреждаю: никто и слова не должен сказать на улице о том, что мы едим. Если кто спросит — молчать. Иначе больше никакого мяса не увидите.

Старшая дочь, Су Чунь, тут же пообещала:

— Бабушка, я никому не скажу! И младшим не позволю, а если ослушаются — побью! — она воинственно потрясла кулачком.

Остальные детишки загалдели:

— Мы тоже не скажем! Мы же послушные, правда? Значит, мы еще будем есть мясо?

Чэнь Гуйчжи медленно обвела их взглядом:

— Посмотрим на ваше поведение. Кто будет самым послушным — того и буду угощать.

Дети повскакивали с мест:

— Бабушка, я самый послушный! Корми меня!

Чэнь Гуйчжи перевела взгляд на невесток. Хуан Сюли сразу заверила:

— Мама, не беспокойтесь, мы и рта не раскроем.

Чжан Сяофан и Сунь Ланьюэ переглянулись и согласно закивали — ни одна из них не проболтается. Чэнь Гуйчжи наконец довольно улыбнулась.

Су Чэнь, сидя на руках у Сунь Ланьюэ, слушал этот разговор и думал: «Бабушка — настоящий глава семьи, мудрая женщина». Глядя на довольных родственников, он мечтал поскорее вырасти. Ему тоже хотелось тушеной свинины, рульки, ребрышек, курицы с перцем, рыбы с квашеной капустой... Слюнки потекли сами собой.

Сунь Ланьюэ тут же вытерла внуку рот платком. Су Чэнь приуныл: «Ох, как стыдно... опять слюни».

С тех пор, благодаря тайным поставкам Су Чэня, семья Су ела мясо каждые два дня. Дети каждый день пили молоко, и их вид заметно улучшился. Раньше они были тощими, с характерным для той эпохи землистым цветом лица, а теперь округлились и подросли — старая одежда стала мала.

Су Чэнь раздобыл подходящую по времени ткань, и бабушка сшила всем обновки. За несколько дней три женщины подготовили по два комплекта одежды на каждого ребенка. В новеньких армейских зеленых костюмчиках дети выглядели так браво, что на них было любо-дорого смотреть.

Гордые собой, они высыпали на улицу, чтобы похвастаться перед сверстниками. Деревенские дети, глядя на них, завидовали черной завистью и бежали домой требовать себе такие же наряды. В домах начались скандалы.

Сплетницы из деревни, конечно, не могли пройти мимо. Собравшись под старой софорой, они шептались:

— Гляньте-ка на семью старосты. И лица у них посвежели, и из дома вечно пахнет чем-то вкусным. Что они там едят? И детишки все в новом... Раньше такого не было, с чего бы вдруг?

Говорившая задрала подбородок, в её глазах читались подозрение и зависть. Она замолчала, многозначительно оглядывая остальных. Все замолчали, переглядываясь друг с другом. Атмосфера стала напряженной. Кто-то неловко хмыкнул, но никто не решился продолжить. Женщина, начавшая разговор, смутилась и поспешила сменить тему. Никто не хотел навлекать на себя гнев семьи старосты.

Вскоре они увидели идущую по улице Чэнь Гуйчжи и поспешно разбежались. Чэнь Гуйчжи, которая как раз собиралась с ними поболтать, опешила: «Что это они врассыпную? Неужели я такая страшная?»